

свете: православное со знаком «плюс», католическое со знаком «минус». Но все-таки остается вопрос, почему Достоевский готовит Алеше судьбу мирянина? По форме служения этот вариант близок к католическому: мирянину – мир, монаху — монастырь. Но только по форме, ведь Достоевский не разделяет этих оппозиций, и монастырь, и мир принадлежат к миру Божьему. И Алеша, не порывая живой связи с Церковью, идет в мир, чтобы он стал миром.

Библиографический список

1. Афанасьев Н., прот. Церковь Духа Святого. Киев: «Центр православной книги», 2005. 480 с.
2. Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html> (дата обращения: 3.05.2014).
3. Евдокимов П.Н. Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней. Ч. 3. Г. 5. Всеобщее священство мирян в восточной традиции. URL: <http://favor2.chat.ru/bogosl35evd.htm> (дата обращения: 3.05.2014).
4. Лотман Ю.М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция // Труды по знаковым системам. Т. 24. Культура: Текст: Нарратив. Тарту, 1992. С. 58.
5. Шрейдер Ю.А. Декрет «Об апостольстве мирян». М.: «Колледж католической теологии им. св. Ф.Аквинского» // nyulia.files.wordpress.com/2010/06...d18fd0bd1.doc (дата обращения: 3.05.2014).

СУДЬБЫ СТАРОГО И НОВОГО ИСКУССТВА В ЗЕРКАЛЕ ДНЕВНИКА К.И. ЧУКОВСКОГО 1910-Х ГОДОВ

А. Кубайдулова

5 курс, филологический факультет

Научный руководитель – проф. С.А. Голубков

Чуковский по роду своей деятельности имел возможность наблюдать вблизи литературную жизнь с её ежедневной будничной стороны, мало доступной широкой публике. Именно поэтому дневник К.И. Чуковского интересен нам как историко-литературный документ: он воспроизводит важнейшие моменты из жизни не только самого Чуковского, но и многих писателей и поэтов, художников и литературных критиков, журналистов и издателей, но что само важное – это дневник с отсылкой к широкому контексту эпохи. Дневник свой К.И. Чуковский вёл с 1901 г. по 1969 г., т.е. без малого 70 лет. Пройдя через все революции и войны, выпавшие на долю России в XX веке, Чуковский пережил несколько литературных эпох, и в каждой из них его талант раскрывал новые грани. В данной статье мне бы хотелось рассмотреть переломные 1910-е гг., а точнее – проследить, как на страницах дневника Чуковского этих лет отражена судьба искусства.

Стоит отметить, что 1910-е гг. на страницах дневника представлены как переходные. Ещё близок XIX в. с его культурной традицией, призраки литературных столпов недавнего прошлого ещё витают в воздухе. Но в то же время 10-е гг. XX века – это годы зарождения новых тенденций в литературе, уже видны зачатки новой нарождающейся культуры.

В 1910-е гг. в дневнике Чуковского часто встречаются записи, посвященные писателям конца XIX в. Однако если в первые годы ведения дневника в записях преобладали собственные суждения автора, то в 1910-е гг., будучи уже известным литератором, Чуковский выражал свои мысли о литературе в своих статьях и лекциях. Поэтому на страницах своего дневника Чуковский в эти годы фиксирует в первую очередь высказывания своих современников о классиках. Так Чуковский записывает воспоминания Горького о Толстом: *«Я помню в Крыму – иду я как-то к нему – на небе мелкие тучи, на море маленькие волночки, – иду, смотрю, внизу на берегу среди камней – он. Вдел пальцы снизу в бороду, сидит, глядит. И мне показалось, что и эти волны, и эти тучи – все это сделал он, что он надо всем этим командир, начальник, да так оно, в сущности, и было. Он – вы подумайте, в Индии о нем в эту минуту думают, в Нью-Йорке спорят, в Кинешме обожают, он самый знаменитый на весь мир человек, одних писем ежедневно получал пуда полтора – и вот должен умереть. Смерть ему была страшнее всего – она мучила его всю жизнь. Смерть – и женщина»* [1, с. 249].

А если Чуковский и переносит в дневник собственные мысли, то лишь в качестве комментария к сказанному собеседником: *«Заговорили о Достоевском, у которого жена – стенографистка. – Ренегат! – сказал Кропоткин – Вернулся из Сибири и восстал против Фурье, против социализма. И замечательно, что все ренегаты после ренегатства становятся бездарны, теряют талант. Меня изумило это мнение, ибо Достоевский после каторгии – и окрылился, но я почувствовал, что на огромном черепе князя Кропоткина нет эстетической шишки»* [1, с. 213].

Естественно, и современному литературному процессу Чуковский, уделяет не меньше внимания: он общается с огромным кругом литераторов, принадлежащих к разным течениям. Так, в дневнике появляются заметки о Мандельштаме, Мережковском, Гиппиус, Гумилеве, Лившице и др. Ни одно литературное событие не проходит без внимания Чуковского. Например, приезд Маринетти в Россию Чуковский комментирует следующим образом: *«Был на Маринетти: ординарный туповатый итальянец, с маловыразительными свинными глазками говорил с пафосом Аничкова элементарные вещи. Успех имел средний»* [1, с. 186].

Мы видим некий мост, который на страницах своего дневника Чуковский перебрасывает из века 19-ого в век 20-ый. Да, впрочем, и не только на страницах дневника: например, альманах «Чукоккала» содержит автографы как почти всех известных деятелей искусства дореволюционной

России, так и блистательных представителей новой советской культуры. К слову, в советскую литературу Чуковский и вошёл-то уже как один «из бывших», один из немногих, кто впоследствии сумел преодолеть все трудности сживания с новым режимом, правда, ценой невероятных усилий. В этом смысле очень важны именно 10-е гг. XX века: время, которое соединяло прошлое и будущее, время, в котором нужно было научиться жить (а после 1917 г. и выживать – о последнем свидетельствуют многочисленные заметки о тяжёлом материальном положении: *«Был сегодня у Мережковского. Он повел меня в темную комнату, посадил на диванчик и сказал: – Надо послать Луначарскому телеграмму о том, что “Мережковский умирает с голоду. Требуется, чтобы у него купили его сочинения. Деньги нужны до зарезу.”»*) [1, с. 254].

В эти же 1910-е гг. на страницах дневника мы можем найти комментарии Чуковского на тему отношений «писатель – власть», вольность, которую, он никогда не позволял себе в дальнейшем: *«Ругают большевиков все – особенно большевик Горький. Черти! бюрократы! Чтобы добиться чего-нб., нужно пятьдесят неграмотных подписей...»* [1, с. 239]. Или: *«О большевиках он всегда говорит: они! Ни разу не сказал мы. Всегда говорит о них как о врагах»* [1, с. 247].

Подводя итоги, следует сказать, что дневник Чуковского являет собой некую сложную систему зеркал, в том смысле, что дневник раскрывает нам не только взгляды самого Чуковского на культурный процесс, но и представления его современников о классиках и друг о друге. Так, мы видим Толстого сквозь призму мировосприятия Горького, Мережковского – через восприятие самого Чуковского, а Леонида Андреева – глазами Евгения Замятина. С помощью этой сложной «оптической системы» Чуковский стремился постичь суть явлений, найти объективную реальность, осмыслить перемены, которые затронули литературный процесс и в корне изменили судьбы литераторов.

Библиографический список

1. Чуковский К. Дневник: В 3 т. Т. 1: 1901–1921 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. – М.: ПРОЗАИК, 2011. – 592 с.